

ИСТОРИИ

В Кремле заявили, что обновление ядерной доктрины — это «сигнал» для Запада. В чем смысл этого «сигнала»? Путин продолжает заниматься «ядерным шантажом»? Отвечает эксперт по проблемам разоружения Павел Подвиг

05:10, 27 сентября 2024 · Источник: Meduza

Фото: Александр Неменов / AFP / Scanpix / LETA. Российская межконтинентальная баллистическая ракета «Ярс» выезжает на Красную площадь во время парада в честь Дня Победы. 9 мая 2024 года

[Ссылка на материал](#)

...

Берегите себя и отправляйте этот материал
только тем, кому вы доверяете

Российские власти готовятся изменить ядерную доктрину — впервые с 2020 года. Владимир Путин анонсировал поправки еще летом 2024 года, а 25 сентября в Кремле прошло заседание Постоянного совещания Совбеза РФ по ядерному сдерживанию. Днем позднее в Кремле заявили, что предложенные Путиным поправки к доктрине нужно считать «определенным сигналом» для Запада. «Медуза» узнала у руководителя проекта «Ядерное вооружение России» по изучению проблем разоружения Павла Подвига, зачем нужны изменения в документе и есть ли риски, что Москва решится на ядерный удар.

Павел Подвиг

— В чем состоят изменения, которые предлагается внести в доктрину?

— Точных изменений мы не знаем, поскольку окончательного документа пока нет. Но, насколько можно судить по тому, что было озвучено российским президентом 25 сентября, изменений не очень много.

Момент, который привлек больше всего внимания, — слова о том, что в случае агрессии со стороны неядерного государства, которое пользуется помощью или поддержкой ядерного государства, Россия может рассматривать возможность применения ядерного оружия. Эта формулировка специально была сделана таким образом, чтобы повлиять на нынешние дебаты по поводу разрешения Украине использовать дальнобойное оружие. Но в принципе, возможность такого рода существует и в нынешних российских доктринальных установках: Россия обещала не применять ядерное оружие против неядерных государств, за исключением случаев, когда те действуют совместно или в альянсе с ядерными. Такая формулировка была принята еще в 1995 году.

Идея нынешней формулировки заключается в том, что то ядерное государство, которое поддерживает такого рода агрессию, в этом случае будет считаться стороной конфликта [и Россия будет считать] что они нападают совместно. Соответственно, возможность применения

ядерного оружия будет распространяться и на это «поддерживающее» ядерное государство.

— То есть единственная практическая цель изменений — надавить на США, чтобы те не дали разрешение на удары своими ракетами по территории России?

— Не только, но в основном. Есть еще один момент, на который нужно обратить внимание: в документе «Основы государственной политики в области ядерного сдерживания» от 2020 года сказано, что одним из сценариев, при которых Россия может принять решение о применении ядерного оружия, является обнаружение атаки против нее с помощью баллистических ракет. А в заявлении [Путина] было сказано, что это будет происходить при пересечении границы не только баллистическими ракетами, но и другими средствами, [например дронами]. В этом смысле положение расширено.

Но нужно понимать, что все это находится в рамках более широкого сценария. У нас на руках нет окончательного документа, но в том, который действует сейчас, есть общая рамка о том, что право применить ядерное оружие возникает, если Россия подвергнута атаке с помощью оружия массового поражения или в случае агрессии с помощью обычных средств, которая ставит под угрозу

само существование государства. То есть вводится зонтичное понятие, а после него прописаны сценарии — в частности, обнаружение стартов баллистических ракет или воздействие на стратегические силы с помощью каких-то средств (кибератак, например, или чего-то еще). То есть, по логике документа, эта атака или это воздействие на стратегические силы должны быть достаточно мощными, чтобы их квалифицировали как агрессию, которая ставит под угрозу существование государства.

О ЯДЕРНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ РОССИИ

«Россия теперь на долгое время окажется без технически готовой тяжелой ракеты» Россия провела неудачные испытания ракеты «Сармат». Какими могут быть последствия, объясняет эксперт по ядерной политике Максим Старчак

— Какую атаку можно считать «достаточно сильной», чтобы поставить под угрозу существование государства?

— А вот этого мы не знаем. Четко определить этот порог невозможно, даже если бы кто-то и хотел. Тут надо смотреть по ситуации. Мы точно не знаем, но я надеюсь — и можно предполагать, — что в новой версии доктрины эта принципиальная рамка останется:

то есть будет понимание, что агрессия, о которой идет речь в заявлениях [Путина], должна быть такой, чтобы поставить под угрозу существование государства.

И заметьте, когда говорилось об атаке дронами, тоже было сказано, что это должен быть массированный удар. То есть если вы видите один дрон, который летит в вашем направлении, или даже, может быть, сотню дронов, но они при этом не представляют угрозы существованию государства, то вроде как это зонтичное условие не выполнено. Вопрос, кто будет судить [о том, представляют ли они угрозу], но логика должна быть такая.

— Могут ли украинские удары по украинским же территориям, которые Россия аннексировала, быть поводом для применения Кремлем ядерного оружия?

— Опять же мы возвращаемся к вопросу: применение для чего? Каким образом применение ядерного оружия позволит сохранить эти территории? Кроме того, несмотря на то, что Россия объявила эти территории своими, все, в том числе в Кремле, прекрасно понимают, что на самом деле это не российские территории. Но даже если мы представим, что это не так, потеря какой-то территории совершенно не является угрозой существованию государства: оно никуда не исчезнет. Так

что случая, который бы попадал под это определение доктрины, не видно.

Конечно, существует какая-то неопределенность, и она существует намеренно. Кстати, [25 сентября] об этом не было сказано явно, но, в принципе, можно предположить, что в новой редакции могут быть какие-то слова про угрозу территориальной целостности страны — как раз чтобы создать пространство для сомнений и вопросов.

— Условия, прописанные в ядерной доктрине, обязательны к исполнению? Если Украина при поддержке ядерного государства «проявит агрессию», Москва обязана ответить ядерным ударом?

— Нет, ни в одной из [версий] этих документов нет никакого автоматизма — и я уверен, что в новой тоже [не будет]. Речь идет о том, что Россия будет считать себя вправе применить ядерное оружие, но это никоим образом не означает, что Россия обещает его применить в каком-то из этих сценариев.

В таких вещах никто не загоняет себя в угол. Не знаю, как звучит этот термин по-русски, но по-английски говорят commitment trap, «ловушка обязательств». То есть вы обещаете что-то сделать, а потом, когда приходит время и вас проверяют — сделаете вы это или нет, —

оказывается, что лучше бы вы этого не обещали. Потому что в реальности ответ может быть несоизмеримым.

В каком-то смысле мы наблюдаем эту историю вживую: на Западе говорят, что все эти российские «красные линии» — блеф. Но если вы проследите [за заявлениями] российского руководства, то увидите, что на официальном уровне оно старалось избегать этих ловушек и конкретных обещаний. «Мы применим ядерное оружие в ответ на поставку танков или самолетов» — никаких обязательств такого рода не было. Более того, единственная «красная линия», которая была проведена, — это прямое участие Запада в конфликте. 24 февраля [2022 года] было сказано, что если «кто-то встанет у нас на пути, то будут последствия, которых вы не видели». И эта «красная линия» держится: о прямом вовлечении [западных стран] в военные действия речи не идет.

ЧТО ЗА «КРАСНЫЕ ЛИНИИ»?

Лавров заявил: «Не надо шутить про наши красные линии» Мы не будем шутить, просто констатируем: многие из них давно нарушены. Смотрите сами

Здесь встает вопрос о соизмеримости угрозы и возможного ответа. Допустим, летят 150 дронов через границу — ну и что? Как ядерный ответ может в этом

случае помочь? Здесь лучше не обещать, а посмотреть на эти дроны и сказать: «Ну, этот удар недостаточно массивный, он не представляет угрозы».

Мы должны понимать, что [рассуждения о том], применит ли Россия ядерное оружие в ответ на те или иные действия, — это абстрактная конструкция. А каким образом применит, с какой целью, по каким объектам?

— Это как раз наш следующий вопрос.

— И это правильный вопрос. Потому что с военной точки зрения ядерное оружие довольно неэффективно: с летящими дронами оно ничего сделать не может. Остановить масштабное наступление или, например, операцию, которая была в Курской области, ядерное оружие не сможет. Есть понимание, что применение ядерного оружия повергнет оппонента в шок и заставит его остановиться, сдаться, отступить — а может, и не заставит. Чтобы этот шок был по-настоящему шокирующим, нужно применить его в том смысле, как это было сделано в Хиросиме и Нагасаки: когда оружие применяется с целью сломить сопротивление оппонента.

Но нужно понимать, что этого эффекта можно добиться только убийством большого количества людей, и порог для такого применения ядерного оружия очень высок.

Положительно на такого рода действия никто не посмотрит, Россия в таком случае окажется в глубокой

изоляции. Пока нет целей, которые могли бы оправдать применение ядерного оружия, и нет таких способов применения, которые бы не вызвали глубоко негативную реакцию окружающего мира.

— Получается, оценки пророссийских пропагандистов, согласно которым мир приблизился к началу ядерной войны сильнее, чем во времена Карибского кризиса, — преувеличение?

— Можно и так сказать. Думаю, да. В моем понимании, мы все-таки заметно дальше от такого состояния, чем во времена Карибского кризиса. Там, во-первых, ракеты были в состоянии разумной готовности: на территории Советского Союза готовились межконтинентальные ракеты, на Кубе были развернуты крылатые ракеты — люди реально их возили, они были с установленными ядерными боезарядами. Были те же подводные лодки с ядерными торпедами. Тогда возможность применения ядерного оружия была ближе физически, а сейчас мы говорим о ситуации, когда российские ядерные боезаряды лежат на складах, когда нет прямой конфронтации между Россией и Западом. Соответственно, чтобы дойти до момента, когда ядерное оружие может быть применено, надо проделать еще довольно много шагов.

— Как вы оцениваете вероятность того, что из-за обновления ядерной доктрины западные страны так и не разрешат Украине использовать дальнобойные ракеты по целям на территории России?

— Здесь сложно [рассуждать] — это как раз та ловушка со сложным выбором. С одной стороны, есть аргументы в пользу того, что разрешения на такого рода удары в принципе ничего не изменят. С другой — понятно, что [западные страны] не хотят оказаться в ситуации, когда их могут обвинить в том, что они испугались угроз со стороны Москвы. Здесь очень тяжелый баланс, и в этом смысле, может быть, московские заявления могут сработать в другую сторону.

— То есть не исключено, что изменение доктрины, напротив, спровоцирует страны Запада как можно скорее дать это разрешение, чтобы показать, что они не поддаются на шантаж Кремля?

— Есть такая школа [мысли]: есть группы на Западе, которые прямо говорят, что именно так и надо делать, что именно это будет правильной стратегией. А есть люди, которые говорят, что это опасный шаг. Но по большому счету, никто не знает, [как реагировать на заявления Москвы].

Мы знаем, что практически все страны высказались в том ключе, что ядерные угрозы недопустимы — не говоря уже

о применении ядерного оружия. И эту позицию надо укреплять. Со стороны Запада было бы правильно идти к тем странам, которые уже это сказали, искать у них поддержки и создавать этот общий фронт.

Но для этого Западу нужно пригасить собственную ядерную риторику. Вы не можете прийти, например, к Южной Африке и сказать, что российское применение ядерного оружия недопустимо, а с нашей стороны все допустимо. Сможет ли Запад собрать достаточно большую коалицию вокруг этой позиции — вопрос. Сначала нужно исключить возможность применения ядерного оружия вообще, а тогда уже и пространство для каких-то шагов в поддержку Украины расширяется.

В ЧЕМ СОСТОИТ ПЛАН ПОБЕДЫ УКРАИНЫ?

Зеленский представит Байдену и Харрис «план победы» Киева. В Белом доме им «не впечатлены», пишет WSJ
Республиканцы требуют уволить посла Украины в США

— **Какой может быть реакция Запада на заявление Путина в практическом плане?**

— Насколько я могу видеть, пока идея заключается в том, чтобы не придавать этому слишком большого значения. Думаю, что все-таки позиция будет такой: нет, мы все

делаем правильно, мы будем продолжать делать то, что делаем.

Как мы видим, дискуссия по поводу дальнобойных средств не была близка к разрешению — и, возможно, так и останется неразрешенной. Но понятно, что никто не признается в том, что это было сделано в ответ на конкретные российские угрозы.

— В действующей версии доктрины говорится, что Россия оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение оружия массового поражения против ее союзников. В новой — Беларусь может отдельно получить гарантии при неядерном ударе. Зачем нужны эти дополнительные гарантии Беларуси?

— Я бы не стал придавать этому слишком большого значения. В версии доктрины от 2020 года союзникам [не гарантировали, что] в случае, если против них совершается агрессия [с помощью обычного оружия], которая ставит под угрозу их существование, [Россия нанесет ядерный удар по агрессору]. Сейчас, как я понимаю, речь идет о том, чтобы распространить эту ядерную гарантию на Беларусь. В таком решении можно видеть логику, но я не думаю, что это существенный момент, поскольку не думаю, что на Беларусь кто-то будет

нападать с обычными или ядерными вооружениями, да еще и так, чтобы ставить под угрозу ее существование.

— Зачем тогда было это проговаривать?

— Ну что-то же надо менять! Если я правильно помню, в «Коммерсанте» была подборка разных мнений [об обновлении ядерной доктрины], и академик [Алексей] Арбатов⁽¹⁾ как раз предлагал вот этот вариант [с Беларусью]. Он человек старой закалки и понимает, что раз сказали, что надо менять, то надо менять. А что менять? Ну вот устранять этот провал: с одной стороны, обещание сдержали, а с другой — ничего кардинального по большому счету не изменили.

— Насколько можно судить, Россия с 1990-х рассматривала в качестве целей для ядерного удара не только ядерные державы, которые совершают агрессию, но и неядерных союзников этих стран. Теперь это планируют прописать в обратном порядке. Зачем нужны эти изменения? Может ли это быть связано с использованием Россией авиабаз в Беларуси для ударов по Украине?

— В 1990-е ситуация понималась так, что основным агрессором [в случае конфликта с РФ] будет ядерное государство. Они были направлены на то, чтобы дать гарантии неядерным государствам: если те будут стоять в стороне, то никто не будет их атаковать. А сейчас

получается, что ситуация немножко изменилась. Оказывается, что [по версии РФ] «агрессором» может быть неядерное государство, но при поддержке ядерного. И как я понимаю, формулировку планируют изменить, чтобы учесть эту ситуацию: что «агрессор» неядерный, но если вы ему помогаете — не рассчитывайте, что сможете остаться в стороне, поскольку ваша поддержка считается совместной «агрессией».

ЕЩЕ О ЯДЕРНОЙ ДОКТРИНЕ

Путин хочет «уточнить» доктрину ядерного сдерживания. Если верить его словам, у РФ уже есть как минимум два формальных повода для применения ядерного оружия

«Медуза»

Мы рассказываем честно не только про войну. [Скачайте приложение.](#)

(1) Алексей Арбатов

Руководитель Центра международной безопасности
Национального исследовательского института мировой экономики
и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской
академии наук (ИМЭМО РАН), академик РАН.

[Вернуться к тексту](#)
